

АДАПТАЦИЯ И СЦЕНАРИЙ

ЖЮЛЬЕН
БЛОНДЕЛЬ

ЖАН-ЛЮК
КАНО

ХУДОЖНИКИ

ЖЮЛЬЕН
ТЭЛЁ

РОБИН
РЕШТ

ДИДЬЕ
ПОЛИ

(СТР. 1-12)

ЦВЕТ

СКАРЛЕТ
СМУЛЬКОВСКИ

РОБИН
РЕШТ

ЖАН
БАСТИД

ОБЛОЖКА

ЖАН
БАСТИД

РОБИН
РЕШТ

ПО МОТИВАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАЙКЛА МУРКОКА

ЭЛРИК

БУРЕНОСЕЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Фра)-44
М91

Julien Blondel, Didier Poli, Jean-Luc Cano, Robin Recht, Julien Telo
ELRIC, VOLUME 2, STORMBRINGER

Adapté des romans et nouvelles de Michael Moorcock consacrés
au personnage d'Elric de Melniboné

Печатается с разрешения издательства Glénat при содействии литературного агентства
Анастасии Лестер.

Перевод с французского Марии Рожновой

По мотивам романов и повестей Майкла Муркока об Элрике из Мелнибонэ

Муркок, Майкл.

М91 Элрик. Буреносец : [графический роман] / Майкл Муркок, Жюльен Блондель, Дидье
Поли и др.; перевод с франц. М. Рожновой. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 64 с. —
(Графические романы Майкла Муркока).

ISBN 978-5-17-108254-3

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-108254-3

© 2014, Michael & Linda Moorcock
© Editions Glénat 2014 for the present comic book edition
© М.Ю. Рожнова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ОТБЛЕСКИ В КРАСНЫХ ГЛАЗАХ¹

Джон Лэтэм, художник-«пульверизатор» 1960-х годов, считал, что время в книгах принципиально отличается от того, к которому привыкли мы; и, кажется, он был прав. Временные континуумы в книгах — это некие автономные вечности, и персонажи, участвующие в этих сюжетах, наделены теми же свойствами, что и вечность, в которой они застыли, как муха в янтаре. Единственное время, существующее в книге — то, которое привносим в неё мы, читатели, наши глаза и разум, поглощающий неподвижные слова, подобно тому как луч проектора оживляет неподвижные изображения, из которых складывается фильм. Время и его движение существуют только для нас, литературные герои ничего о нём не знают. Мы меняемся, они — нет.

Так, спустя долгие годы, которые принесли мне внуков и унесли многих друзей, я снова оказался в компании вечно молодого бледного мужчины, владеющего черным мечом. Он-то, конечно, нисколько не постарел. На мне одном сказались разрушительные следы времени, и наши волосы теперь почти одного цвета. Однако теперь он кажется мне другим, хоть я и знаю, что это происходит лишь потому, что я смотрю на него другими глазами. Мы меняемся, они — нет... Неизменным остается, наверное, лишь то, что *они* представляют для нас. Именно это является их главным свойством. Так, я обнаружил, что Элрик, который всегда появлялся в моей жизни именно тогда, когда поворотные моменты моего интеллектуального взросления встречались с живительными словами Майкла Муркока, — так вот, Элрик тоже повзрослел.

Образ проклятого повелителя Мелнибонэ, каким я представлял его себе в четырнадцать лет, складывался из того, что волновало *меня*, подростка, в разгар бурных 1960-х. Это был тот самый комплекс чувств и переживаний, которым была «заражена» вся западная культура. Преобладающее чувство одиночества, собственной чужеродности, пропасти между индивидуумом и обществом — независимо от того, связано это с «личным» (с типичными проблемами подросткового возраста), или с «коллективным» (комплексом проблем, появившихся после двух мировых войн), или же с пугающим ускорением темпа жизни — нашло свое идеальное воплощение в этой бесцветной коже, лишенной уютного колорита диккенсовского прошлого, в этих красных глазах, в этой чудовищной черноте могущества, от которого мы стали зависимыми. Этот мрак — мрак Империи.

Это странное время, когда жизнь напоминала ярмарочный балаган, когда наше взросление совпало с переходным возрастом культуры, когда в нас и вокруг нас бурлила свирепая творческая и в то же время разрушительная энергия, которой позавидовал бы сам Шива. Психованные подростки, постоянно на взводе от потребности творить, внезапно осознавали невероятный мертвый груз общественных институтов, системы образования, семьи, и в более широком смысле — груз поколений, который тяжело давил на них и их чаяния. В то же самое время в послевоенном мире, который вылепил и Майкла Муркока, и меня, бурлила культурная жизнь, рождались новые идеи, хотя они ещё не вполне освободились от парализующих клише Империи, которая даже десять лет спустя после гибели продолжала отрицать очевидное — свой собственный крах. Все мы были вовлечены в борьбу с прошлым, и прекрасно осознавали это. Каждому из нас пришлось с тяжелым сердцем снарядить против своей родины-матери пышный, великолепный флот под парусами, набухшими от ветра, и стать предателем поневоле.

Бледный повелитель руин стал воплощением гнева и отцеубийственного духа, пропитавшего время, когда он появился на свет, но то десятилетие запомнилось нам не только невнятием, безумием и протестами; это был фейерверк секса, всплеск интеллектуальных достижений и дикарской красоты. Элрик, харизматичный герой с лицом цвета мела, утонченный и элегантный, умный, иногда даже слишком, любитель декадентской чувственности в стиле Обри Бердслея, стал невероятно привлекательной фигурой, идеально соответствующей тому, чего хотел и его создатель, и его более юные поклонники, представители только что появившегося, нового мира, находившегося в фазе становления. Его жизнь оказалась великолепной трагедией, созданной для нас как на заказ, такой, которую мы согласились бы пережить сами. В конце десятилетия, когда гормональный всплеск и в крови и в контркультуре пошел на спад, совпав с двойным разочарованием — от взрослой жизни и от революций, которые ни к чему не привели, — в образе Дэвида Боуи и мрачном гламуре его современников отчетливо слышится далекое зловещее эхо проклятого правителя-альбиноса. Элрик подвел итог тем экзотичным, экзальтированным, бурным годам, от рассвета, встреченного битниками в тени атомной бомбы, и на протяжении всего пути, от которого остался лишь бледный след, усыпанный драгоценными камнями. Теперь мы снова встретились, и я вижу, что он очень изменился, пусть эти изменения — в глазах смотрящего, в том, как я теперь оцениваю то десятилетие и мое собственное участие в его протестах и любви.

Глядя на впалые щеки Элрика, на его бледную кожу и волчьи глаза, теперь, когда за спиной у нас обоих наши юношеские войны, и на него и на мое поколение, полное надежд и устремлений, я смотрю не смущенно, как раньше, а с приязнью и даже с восхищением. И перед Элриком, и перед нами стояли трудные задачи. И мы с ними справились, потерпев, разумеется, при этом немало неудач, но пройдя все испытания с шиком и размахом.

¹ Игра слов; отсылка к триллеру «Блики в золотом глазу» (*Reflexions in a Golden Eye*), Карсона Маккаллера и английскому названию конъюнктивита (*pink eye*).

Мы грабили спящие города и с ужасом читали учебники, по которым учились наши боги, обнаруживая, что они полны безумия. Мы случайно убивали тех, кого любили, и слепо орудовали черными мечами нашего таланта, охваченные лихорадкой бунта, движимые жадью, которую эти мечи пробуждали в нас, но в то же время боясь лишиться души и рассудка. И Элрик, и мы бросали вызов империям, стоявшим на краю гибели, мы противостояли хаосу с отвагой, изобретательностью и саморазрушительной страстью, в полном безумии встряхивая волосами. Наш герой достойно встретил старость, если только он действительно умеет стареть.

И конечно, нельзя не упомянуть о том, в какой форме он воплотился в очередной раз. Разумеется, Элрик давно вышел за пределы прозы, в рамках которой он был создан, но его путешествия в другие изобразительные миры все-таки происходят настолько редко, что об этом не стоит упоминать, и достойный приём ему оказал лишь мир комикса и графического романа. Это не так уж удивительно, если вспомнить, что Майкл Муркок в юности сам сотрудничал с журналом «Приключения Тарзана», создав Соджана-меченосца, который стал предтечей, наброском Элрика. Честно говоря, в глубине души я считаю, что именно классические британские ценности, которые Майкл Муркок не мог не впитать в нежном возрасте, легли в основу его таланта создавать удивительно зримые драматичные образы, которыми наполнено всё его творчество, от «Буреносца» до «Лондон, любовь моя», и конечно, «Карла Глогауэра». Это утверждение, возможно, нуждается в объяснении, но вот что бесспорно: территория графического романа всегда давала плодородную почву для лучших идей М. Муркока, идёт ли речь о Джерри Корнелиусе в комиксах, созданных Мэлом Дином и Глином Джонсом для таблоида *International Times (IT)*, или о не самой удачной адаптации «Се человек», выпущенной *Marvel* в 1970-х годах. Однако, независимо от степени успеха адаптаций, это всегда Элрик, к которому мир графического романа благосклонен дольше всех.

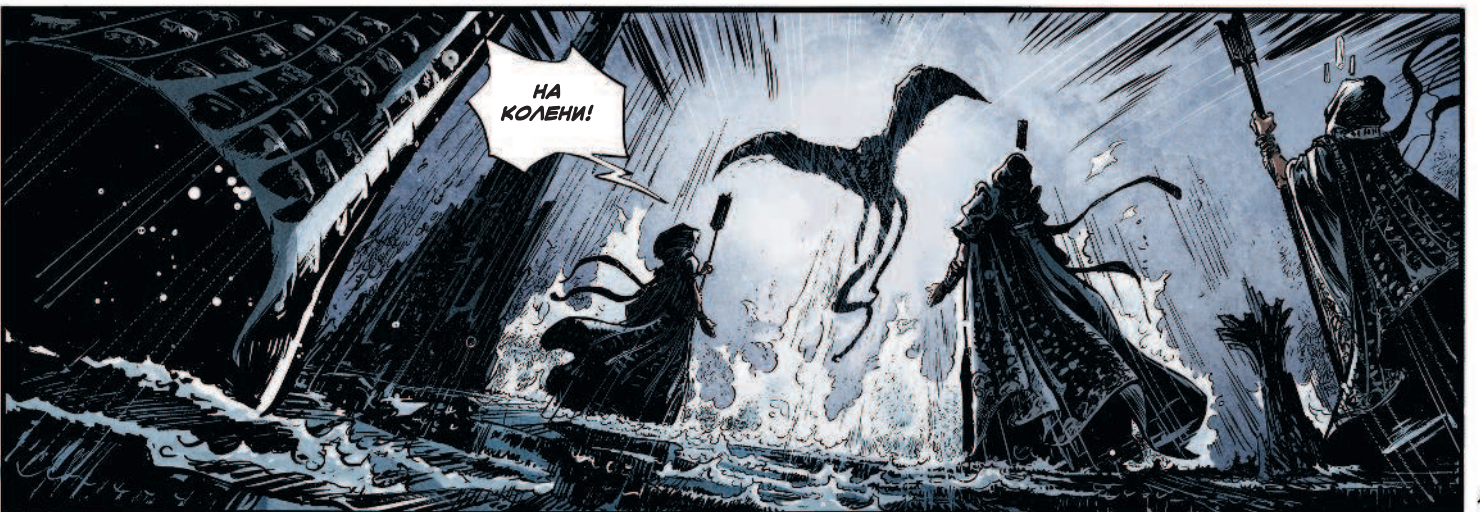
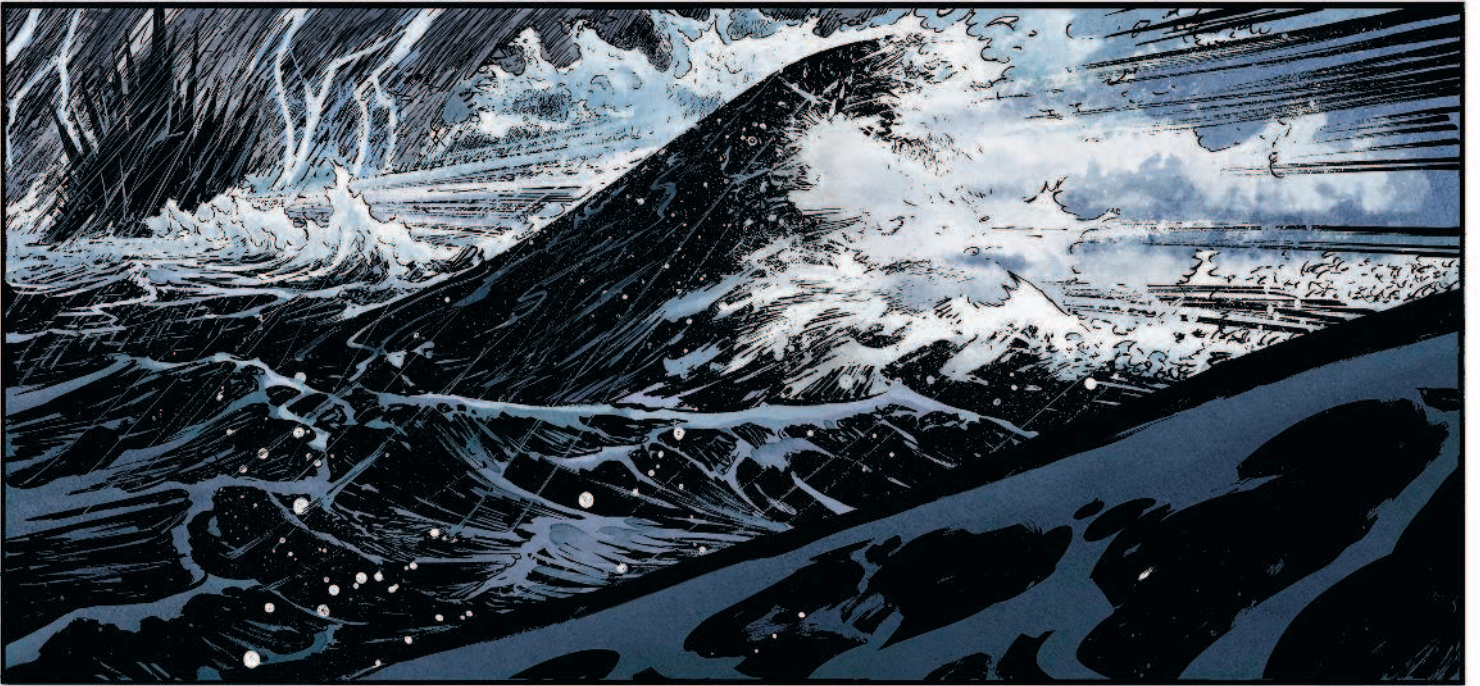
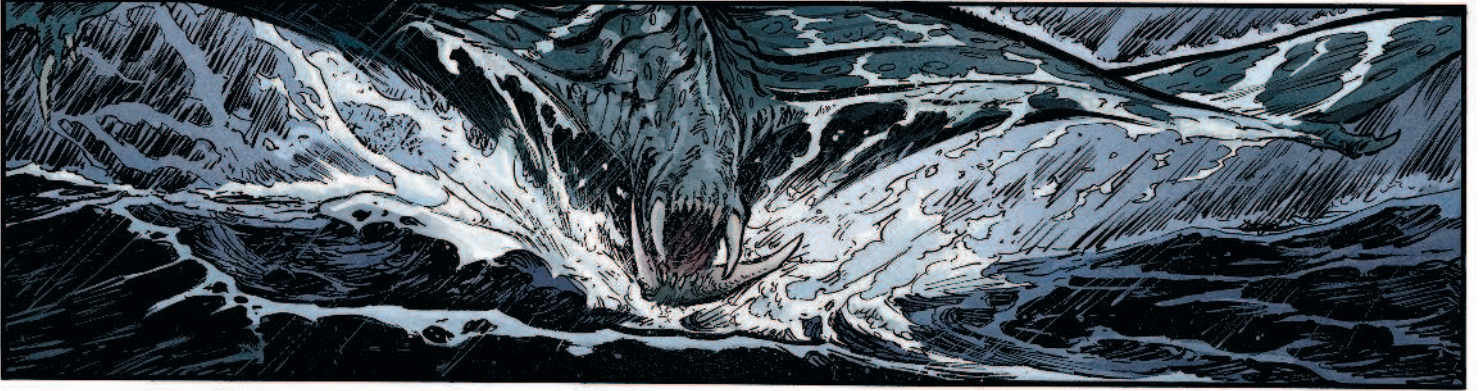
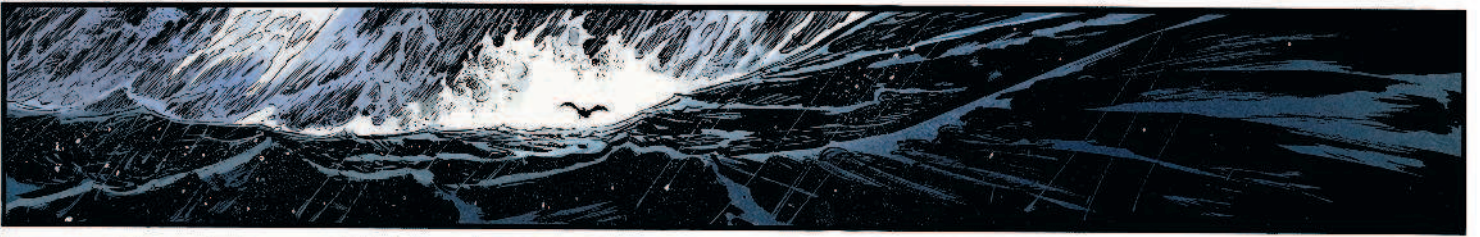
Если я не ошибаюсь, Филипп Дрюйе одним из первых проиллюстрировал приключения правителя, владеющего рунным мечом, придав ещё больше величия и эпичности угрюмому миру Мелнибонэ с его легендарной «красотой упадка». «Красота умирания» — один из главных соблазнов, которыми «Сага об Элрике» привлекает художников. Не устояли перед ним также Майкл Гилберт и Крейг Рассел, создавшие свой вариант визуальной истории об Элрике в 1980-х годах. Отличающаяся великолепным мастерством и богатством деталей, эта работа, как и адаптация Ф. Дрюйе, тем не менее, остается жертвой страсти к чрезмерному украшательству, к «визуальной оргии», что, на мой взгляд, вредит динамичному ритму повествования. Камео (белый волк) в Конане-варваре, адаптации созданной Роем Томасом и Барри Смитом для *Marvel* в начале 1970-х годов, потерпело ещё более изящный провал (несмотря на безупречно прерафаэлитский стиль Б. Смита, который более чем идеально подходил сюжету). У этой неудачи было две причины: мир Элрика абсолютно не пересекается с миром «меча и волшебства», для которого был создан Конан Роберта Ирвина Говарда, которому не достаёт размаха и некоторых важных нюансов, а также трагически неудачное решение Смита нарядить Элрика в странный остроконечный головной убор, в котором наш герой предстает на обложке американского покета в издании, выпущенном Джеком Гаутом.

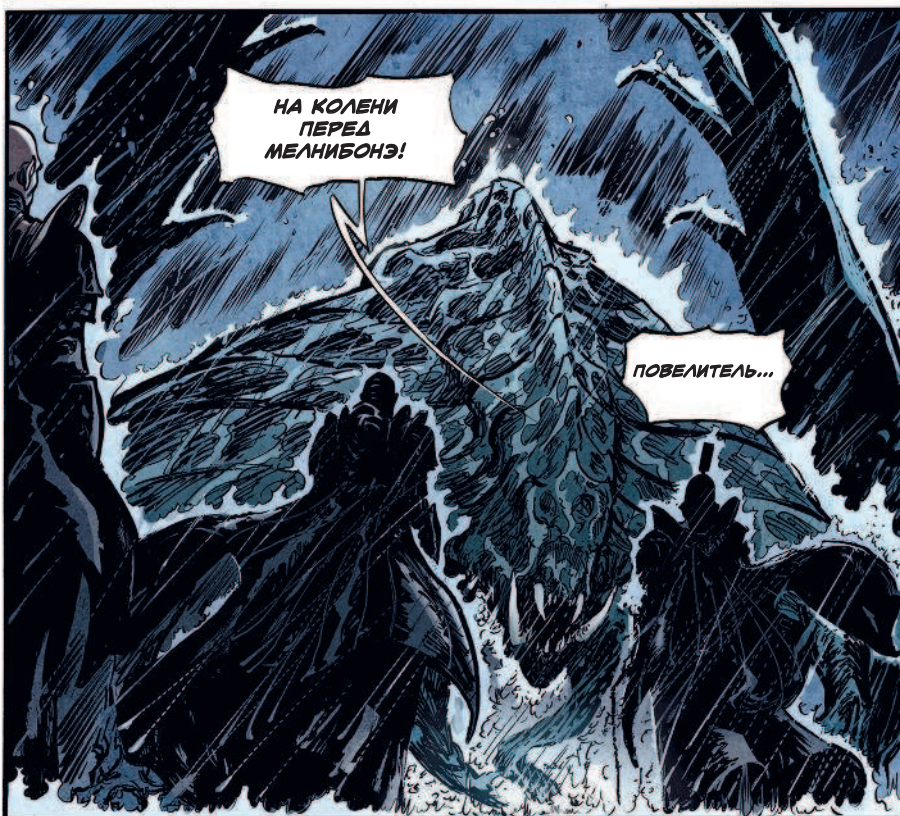
Увидев графический роман, который вы сейчас держите в руках, я сразу понял, почему для Майкла Муркока именно он стал самой любимой из всех существующих на сей день адаптаций. В этой доброй старой истории, рассказанной в классической манере графического романа, где художественные изыски не душат сюжет, я вижу отголоски — хотя стиль здесь совершенно иной — изобретательности и цельности великолепного Джима Кауторна. Именно его творческий тандем с Майклом Муркоком следует благодарить за создание Элрика. Этот графический роман выполнен в классическом стиле, что в мире комиксов означает сочетание внятности нарратива и элегантности, свойственных многим совершенно потрясающим альбомам совершенно потрясающего десятилетия — я имею в виду безбашенные, наэлектризованные и прогрессивные 1950-е.

Каждое новое появление этого странного персонажа, образ которого так нагружен разнообразными символами (я имею в виду Элрика, не Муркока, хотя...), — повод для радости, особенно когда сами художники в восторге от текста, и поэтому с особым вниманием отнеслись как к поставленной перед ними задаче проиллюстрировать литературный сюжет, так и к его духу и идеям его создателя. Мне трудно было представить, что среди верных почитателей Муркока есть те, кто ещё не знаком с альбиносом, истребляющим собственный народ. Но если, как уже бывало, я ошибаюсь, и читатель впервые открывает для себя подвиги нашего бледного, но отнюдь не бессильного героя, а затем разгоревшийся интерес заставит его обратиться к первоисточникам — книгам об Элрике, — он может быть абсолютно уверен, что сейчас ему выпал уникальный шанс: познакомиться с одной из тех редких адаптаций, которые в полной мере сохранили все достоинства сумрачного оригинала. Я сам присоединяю свой голос к голосу Майкла Муркока, подтверждающего, что этот графический роман — одна из самых удачных адаптаций, и в нём наиболее полно и верно изображён созданный им герой, ставший игрушкой судьбы.

Поздравляю талантливых художников, Майкла Муркока и тебя, читатель, которому предстоит встреча с вечно молодым бледным героем и чёрным мечом. На этих страницах они предстанут перед тобой особенно неотразимыми.

АЛАН МУР,
Нортхэмптон, 6 июля 2014 г.

НА КОЛЕНИ
ПЕРЕД
МЕЛНИБОНЭ!

ПОВЕЛИТЕЛЬ...

Я ПРИКАЗАЛ
НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ
БЕЗ НИХ...

ГДЕ ОНИ?

Я НЕ СМОГ...

...НАЙТИ ИХ...

Я ПРЕДУПРЕЖДАЛ
ТЕБЯ...

МЕЛНИБОНЭ
НЕ ПРОШАЕТ
НЕУДАЧ!

ОТПРАВЬТЕ В ПОГОНЮ
ЗА НИМИ ДРУГИХ!...
ХИИШ'ИМОВ... КАР'ЗУЛОВ,
ЕСЛИ ПОНАДОБИТСЯ!

ЕСЛИ МЫ НЕ НАЙДЁМ
КОРОЛЕВУ
И ПРЕДЕТЕЛЯ, НАС
ВСЕХ ПРИГЛАСЯТ
К СТОЛУ ИМПЕРАТОРА...

И ПОДАДУТ ЕМУ
НА БЛЮДЕ!